

Очередной том сборника содержит статьи по теории вспомогательных исторических дисциплин, сфрагистике, нумизматике, истории летописания, берестологии и источниковедения отечественной истории; по источниковедению истории СССР периода капитализма и советского общества, а также по источниковедению и палеографии медиевистики и истории нового и новейшего времени.

Редакционная коллегия:

М. П. ПРОШНИКОВ (зам. отв. редактора), *А. И. КОПАНЕВ*,
акад. *Д. С. ЛИХАЧЕВ*, *Н. Е. НОСОВ*,
чл.-кор. АН СССР *В. И. РУТЕНБУРГ*, *М. В. СВЕРДЛОВ* (отв. секретарь),
В. Г. ЧЕРНУХА, *В. А. ШИШКИН* (отв. редактор),
С. О. ШМИДТ, чл.-кор. АН СССР *В. Л. ЯНИН*

О КЛАССИФИКАЦИИ ИСТОРИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ

Вопросы классификации исторических источников привлекают все большее внимание. Об этом пишут в трудах по теории источниковедения, в учебных пособиях для высшей школы, в методических рекомендациях музейным работникам, учителям средней школы, краеведам.

При этом все чаще отмечается недостаточная обоснованность классификации исторических источников, еще недавно казавшейся едва ли не общераспространенной и зафиксированной даже в статьях энциклопедических словарей, ее несоответствие современным представлениям об источниковой базе исторической науки и о приемах выявления в источниках исторической информации и ее обработки. Одновременно обнаруживаются различия в суждениях и о понятии «исторический источник», круге исторических источников и об основаниях деления (и подразделения) исторических источников в классификациях их.¹

Исторические источники — основа любого исторического исследования и любой формы популяризации исторических знаний. Задача статьи — определение всего круга потенциальных исторических источников и оснований для их первичных классификаций.²

Чтобы избежать ситуации разговора на «разных языках», необходимо в первую очередь уточнить: какой смысл вкладывается

¹ В. А. Дьяков констатировал в книге «Методология истории в прошлом и настоящем» (М., 1974, с. 12), что классификации исторических источников «посвящено немало специальных работ, причем разрабатывается не только прикладная (по отношению к исторической науке), но и общетеоретическая сторона проблемы. Тем не менее пока что не выработано ни общепринятой классификационной схемы для всего многообразия исторических источников, ни принципов, на основе которых можно было бы создать такую схему». С тех пор положение существенно не изменилось.

² М. Н. Тихомиров, признавая источниковедение дисциплиной, «формирующей научную подготовку историков» и «в одинаковой мере» необходимой и для научных работников, и для преподавателей высшей и средней школы, и для более широкого круга читателей, писал, что источниковедение «неизбежно связано с изучением всего комплекса того материала, на котором зиждется наше представление о прошлом»; см.: Тихомиров М. Н. Источниковедение истории СССР. (С древнейшего времени до конца XVIII века). М., 1962, с. 3 (разрядка моя, — С. Ш.).

в термины (теоретические и эмпирические), употребляемые в данной работе, и попытаться дать обоснование подобному пониманию.

Это особенно важно сделать и потому, что многое еще не отстоялось в современной источниковедческой терминологии.³ В источниковедческой литературе не все термины воспринимаются однозначно и часто встречаются так называемые «привлеченные» термины, т. е. появившиеся в результате заимствования из других областей знания или приписывания существующим уже там терминам нового (дополнительного) понимания. Некоторые термины многозначны (полисемичны) и имеют более одного значения даже в пределах одной — источниковедческой — терминологии.⁴ Нельзя не учитывать и характерное обстоятельство в истории развития знаний, отмеченное В. И. Лениным, — *«всегда возможных изменений номенклатуры»*.⁵

Ф. Энгельс, отмечая, что дефиниции не дают исчерпывающего представления о явлении, указывал вместе с тем на то, что «для обыденного употребления такие дефиниции очень удобны, а подчас без них трудно обойтись».⁶ В. И. Ленин также заметил, что «слишком короткие определения хотя и удобны, ибо подытоживают главное, — все же недостаточны, раз из них надо особо выводить весьма существенные черты того явления, которое надо определить», и потому напомнил о том, что не следует забывать «условного и относительного значения всех определений вообще, которые никогда не могут охватить всесторонних связей явления в его полном развитии».⁷ «Спорить о словах, конечно, не умно, — писал В. И. Ленин. . . — Но надо выяснить точно понятия, если хотеть вести дискуссию».⁸

Классификация — упорядоченная система объектов какой-либо области знания и представляет собой совокупность делений объема понятия на классы и подклассы. Обычно под «классом» подразумевается разряд объектов (явлений), обладающих общими признаками. Так называют и подразделение классификационного ряда, принимаемое за основное. Классификация — общепринятая логическая операция. (Сам процесс распределения объектов по классам на основании существенных признаков, при-

³ Соображения общего характера о терминоведении и указания на новейшую литературу см. в статье Э. И. Хампиры «Архивоведческое терминоведение: объект и предмет» (Археограф. ежегодник за 1982 г. М., 1983, с. 38—51).

⁴ Такое же явление наблюдается и в пределах современной архивной терминологии (см.: Словарь современной архивной терминологии социалистических стран. М., 1982, с. 4).

⁵ Ленин В. И. Материализм и эмпириокритицизм. — Полн. собр. соч., т. 18, с. 149.

⁶ Энгельс Ф. Анти-Дюринг. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 20, с. 84.

⁷ Ленин В. И. Империализм, как высшая стадия капитализма. — Полн. собр. соч., т. 27, с. 386.

⁸ Ленин В. И. О карикатуре на марксизм и об «империалистическом экономизме». — Полн. собр. соч., т. 30, с. 93.

сущих этим объектам и отличающих их друг от друга, иногда называют классифицированием).⁹

Классификация используется для ориентировки в многообразии объектов и выявления связи и различий между ними как классами определенной системы. Отвечая на вопрос: «Что значит дать „определение“?», — В. И. Ленин писал: «Это значит, прежде всего, подвести данное понятие под другое, более широкое».¹⁰

Классификация — важное средство организации познавательной деятельности. Но классификация объектов не обязательно предполагает наличие разработанных понятий о них и иногда даже способствует формированию таких представлений. Известно и то, что классификации всегда условны и изменяются, отражая процесс развития наших знаний, ибо наше познание, как подчеркивал В. И. Ленин, не следует «предполагать готовым и неизменным».¹¹

Классификации предназначены для сравнительно длительного использования в науке или в области практической деятельности, особенно так называемые естественные классификации, в основе которых — существенный признак (или совокупность признаков), определяемый самой природой распределяемых объектов, их «естественность». Это отличает их от искусственных классификаций¹² и систематизаций,¹³ в основе которых могут быть различные признаки, в том числе имеющие значение с практической точки зрения для целей производимой работы (обучения и т. д.).

Общая классификация исторических источников — даже самая элементарная — должна удовлетворять по крайней мере нескольким условиям.

⁹ В частности, в трудах по информатике (Черный В. И. Введение в теорию информационного поиска. М., 1975, с. 36). В «Словаре иностранных слов» указаны обе лексические единицы («классификация» и «классифицирование»), но среди различных значений многозначного слова «классификация» отмечено: «то же, что классифицирование» (разрядка моя, — С. Ш.); см.: Словарь иностранных слов. 8-е изд. М., 1981, с. 235.

¹⁰ Ленин В. И. Материализм и эмпириокритицизм. — Полн. собр. соч., т. 18, с. 149.

¹¹ Там же, с. 102.

¹² Вопросы определения понятий «классификация» и «систематизация» остаются дискуссионными. Основная литература о классификации исторических источников и документов указана в трудах Л. Н. Пушкарёва, К. И. Рудельсона, В. В. Фарсобина; см.: Пушкарёв Л. Н. Классификация русских письменных источников по отечественной истории. М., 1975. 281 с.; Рудельсон К. И. Современные документные классификации. М., 1973. 267 с.; Фарсобин В. В. Источниковедение и его метод. М., 1983, с. 188 и сл. О современных представлениях об основах классификации см. обзоры материалов Первой Всесоюзной школы-семинара по теории классификации 1979 г.: *Вопр. философии*, 1980, № 8, с. 163—165; см. также: Воронин Ю. А. Введение в теорию классификации. Новосибирск, 1982. 195 с. (Указана литература).

¹³ Под систематизацией в данном аспекте подразумевается процесс упорядоченного распределения каких-либо объектов по определенным, заранее заданным признакам. См. определение термина «систематизация» в Терминологическом словаре, изданном Постоянной комиссией по координации научных и технических исследований при СЭВ (М., 1966, с. 306).

Следует учитывать характер источниковой базы и источниковедческий опыт исследователей, изучающих не только периоды, когда источниками стали письменные памятники, но и те исторические эпохи, от которых сохранилось мало письменных памятников, и обязательно специалистов по истории первобытного общества — самого долгого периода в истории человечества.

Следует учитывать и практику краеведения, музееведения, преподавания истории в средней школе. Условие такой классификации — возможная универсальность применения ее в разных сферах выявления и использования исторических источников — в научно-исследовательской, учебной, научно-популяризаторской работе (конечно, в зависимости и от поставленных задач, и от уровня подготовки тех, кто воспринимает исторические знания).

Наконец, поскольку «структура информационного поля исторической науки» (выражение О. М. Медушевской)¹⁴ не остается неизменной, подобная классификация должна быть одновременно и устойчивой, и достаточно гибкой, т. е. допускать выявление новых классов и подклассов исторических источников¹⁵ и включение их в систему. Это может произойти вследствие и изменения представлений о задачах, тематике, возможностях исторических исследований,¹⁶ и дальнейшего развития техники, порождающей новые формы фиксирования, передачи и сохранения информации, и совершенствования средств коммуникации с прошлым — приемов обнаружения ранее скрытой информации и путей ее восприятия (в частности, в связи с исследованиями в области психологии, парапсихологии и т. д.). Потенциальная источниковая база исторической науки в конечном счете предопределяется уровнем развития всех наших знаний. А «прогресс общества в самой общей форме зависит от его вещественно-энергетической и информационной оснащенности».¹⁷

Наблюдаемый сейчас во всех областях научного знания возрастающий интерес к изучению самой процедуры выявления источников информации и методики ее использования — заметная черта времени оформления науки о науке. И соответственно термин «источниковедение» становится все более распространенным и употребляется ныне не только в сфере исторических наук.¹⁸

¹⁴ Медушевская О. М. О проблемах классификации исторических источников. — Сов. архивы, 1978, № 5, с. 110.

¹⁵ См. об этом: Ковальченко И. Д. Исторический источник в свете учения об информации. (К постановке проблемы). — История СССР, 1982, № 3, с. 144.

¹⁶ Исторический источник «выступает как звено диалектической связи истории как процесса и научного исторического познания» (см.: Медушевская О. М. Современное зарубежное источниковедение. М., 1983, с. 17; см. также: Иванов Г. М. Исторический источник и историческое познание. Томск, 1973. 224 с.).

¹⁷ Афанасьев В. Г. Социальная информация и управление обществом. М., 1975, с. 5.

¹⁸ Определение места собственно исторического источниковедения в ряду «источниковедений» других наук (и не только гуманитарных), со-

В данной статье речь идет об историческом источниковедении, которое для удобства называют просто «источниковедение».

Источниковедение — это наука об исторических источниках (а следовательно, и о закономерностях их происхождения и развития) и о приемах их выявления, изучения и использования в работе историка. Изучение научных приемов включено здесь в само определение научной дисциплины. Тем самым подчеркивается и взаимосвязь теоретического (или «чистого») и «прикладного» знаний.¹⁹

Учитывая наличие разных уровней источниковедения,²⁰ в статье имеем в виду не столько теоретическое, сколько прикладное источниковедение, особенно характерное для учебной и музейно-пропагандистской работы, базирующейся на массовых первичных научных представлениях, полученных в основе своей еще в средней школе (в частности, на представлениях о развитии и взаимодействии общества и природы). Такое прикладное источниковедение опирается прежде всего на обыденно-эмпирический способ отражения субъектом объективной реальности.²¹

Уже утвердилось представление об отдельных областях (разделах и подразделах) исторического источниковедения, приобретающих значение и самостоятельных отраслей научного знания.²² В источниковедении письменных источников выделились разделы с более узкой специализацией по видам источников (дипломатика или актовое источниковедение; все чаще употребляются термин «летописеведение» и т. д.). Особые разделы выявляются уже и в «археологическом источниковедении»,²³ и в «этнографическом источниковедении».

Историческое источниковедение (в целом и его разделы) находится в сфере пограничных проблем наук. А это предполагает усиление внимания к более или менее близкой проблематике этих

отношение источниковедения, методологии и методики исследования могут быть темой специальных размышлений.

¹⁹ Следует, однако, иметь в виду, что четкое деление на «чистое» и «прикладное» знания на самом деле не имеет места. Теория опирается на практику, а элементы общих понятий входят составной частью в систему практических представлений, ибо познание общего — предварительное условие познания частного.

²⁰ О разных уровнях «источниковедения» см.: Шмидт С. О. Современные проблемы источниковедения. — В кн.: Источниковедение. Теоретические и методологические проблемы. М., 1969, с. 18—20 (см. также: Шмидт С. Актуальные проблемы источниковедения. — Обществ. науки, 1970, № 2. На англ., исп., нем., фр. яз. О прикладных аспектах источниковедения см.: Ковальченко И. Д. Исторический источник..., с. 129 и сл.).

²¹ См. об этом: Ковальченко И. Д. Исторический источник..., с. 134.

²² Установление места источниковедения в ряду отраслей исторического познания и особенностей «источниковедений» разных разделов исторической науки также может и должно стать предметом особого рассмотрения.

²³ См.: Клейн Л. С. Археологические источники. Л., 1978, 119 с. (Указана литература).

наук, в частности к собственно историческому аспекту не только в других общественных, но и в естественных науках, расширение междисциплинарных научных связей,²⁴ взаимное использование в различных науках оправдавшей себя методики других наук.

В среде ученых продолжают споры о дефиниции «исторический источник». Применительно к задачам прикладного источниковедения можно ограничиться простой определенностью (это выражение Гегеля употреблял В. И. Ленин)²⁵ и признать историческим источником всякое явление, могущее быть использованным для познания прошлого человеческого общества, все, что может источать историческую информацию (т. е. информацию исторического характера, полезную для работы историка).

Словосочетание «исторический источник» допускает двойное понимание (и истолкование): источник исторической информации и источник исторического происхождения. В этой работе термин «исторический источник» употребляется в первом смысле. (При этом подразумеваются источники содержательной исторической информации, а не механизмы получения подобной информации, которые тоже могут рассматриваться, конечно, и как источники исторических знаний).

Исторический источник существует независимо от историка и начинает восприниматься (по мере накопления наших источниковых и внеисточниковых знаний) как исторический источник, становится собственно историческим источником лишь тогда, когда рассматривается как объект исторического (или специально источниковедческого) изучения. Потому-то допустимо выделение такой категории, как потенциальный исторический источник,²⁶ или «предысточник».

Только немногие источники информации о прошлом созданы были специально и с целью сохранения в будущем памяти о чем-то или о ком-то. Это — свидетельства отбора современниками того, что следует, по их мнению, впоследствии знать и помнить о них и об их предшественниках. Это — всегда и ценностная категория, характеризующая общественное сознание и уровень культуры (и научных знаний) эпохи создания памятника²⁷ (и

²⁴ См. об этом: Люблинская А. Д. Источники в смежных с историей науках (по материалам зарубежной медиевистики). — В кн.: Проблемы источниковедения западноевропейского средневековья. Л., 1979, с. 9—46. (Указана литература).

²⁵ Ленин В. И. Философские тетради. — Полн. собр. соч., т. 29, с. 212.

²⁶ Шмидт С. О. Современные проблемы источниковедения, с. 30—31; Иванов Г. М. Основные принципы марксистско-ленинской теории исторического источника. — В кн.: Источниковедение отечественной истории. 1979. М., 1980, с. 18; Ковальченко И. Д. Исторический источник..., с. 137; Ковальский Н. П. Проблемы классификации письменных источников в современной историографии. — В кн.: Актуальные проблемы источниковедения и специальных исторических дисциплин: Тез. докл. IV Всес. конф. (Днепропетровск, 31 октября—2 ноября 1983 г.). М., 1983, с. 17.

²⁷ По существу это и предопределило деление сохранившихся исторических источников на «остатки» и «предания», распространившееся в из-

последующего времени). Примеры такого рода «запрограммированных» исторических источников: памятники в честь побед над врагом или других выдающихся событий; курганы, мавзолеи, пирамиды на месте захоронения; устные предания и песни о подвигах и героях (или злодеяниях); сочинения, специально написанные для сохранения в памяти потомков (и в назидание им и современникам) — от летописей и мемуаров до современных ученых трудов историков; разнообразный изобразительный материал — произведения скульпторов (в том числе памятники знаменитым людям, созданные много позднее), живописцев и рисовальщиков, фото- и кинохроникеров, вплоть до неприязательных минутных снимков «на память».

Большинство же источников информации о прошлом стали восприниматься как таковые только по мере развития исторических знаний и интереса к изучению истории. Обнаруживается прямое соответствие развития (и расширения) представлений о длительности и характере исторического процесса и роли его участников и об источниковой базе исторической науки. С распространением интереса не только к государственно-политической истории, но и к социально-экономической, к истории культуры возникает и понимание ценности источников познания этих явлений. С интересом к истории народных масс ощущается и потребность выявления и изучения источников, свидетельствующих о каждодневной жизни, о быте населения. С углублением понимания взаимосвязи развития общества и природы — особенно когда интерес к проблемам экологии приобретает глобальный характер — делается все яснее необходимость обращения к изучению природных явлений для познания социальных явлений в прошлом и в настоящем и прогнозирования будущего.

Соответственно меняются представления и об источниковой базе исторической науки, и о шкале ценностей многообразных источников: свидетельства о земледелии оказываются не менее важными для ученого, чем изделия ювелиров и скульпторов, а данные о числе жителей, их занятиях и миграциях — не менее значительными, чем изречения государственных деятелей и героические поэмы. Все более существенными для историка и социолога становятся сведения о климате и полезных ископаемых, эпидемиях и среднем сроке человеческой жизни в ту или иную эпоху, о темпах и особенностях расширения сферы социально охваченной природы и об изменении карты расселения людей.

Широкое представление об объеме понятия «исторический источник» затрудняет возможность конструирования генеральной классификации всех источников, удовлетворяющей обязательному логическому правилу, что каждое деление на классы должно иметь только одно основание. Слишком рязнятся во многом су-

уже с конца XIX в.: в историческом предании обнаруживаем не только исторический факт, но и оценку его создателем источника (и его современниками).

щественном те объекты (и группы), которые в плане источниковедения (и только источниковедения) могут рассматриваться как части некоей системы, т. е. всего комплекса источников исторической информации.

Поэтому целесообразнее, видимо, предусмотреть возможность нескольких вариантов моделей общих классификаций всех исторических источников, более детально — и опираясь уже на жесткий принцип деления на классы по одному основанию (признаку) — классифицируя главный традиционный комплекс источников исторического происхождения.

Представления о предлагаемых вниманию читателей моделях классификаций исторических источников складывались постепенно. Впервые некоторые соображения по этому поводу были изложены в выступлениях весной 1966 г.²⁸ Затем это нашло дальнейшее развитие в лекционных курсах автора в Московском государственном историко-архивном институте, в статьях «Современные проблемы источниковедения» (1969 г.), «Проблема взаимодействия общества и природы и некоторые вопросы источниковедения» (1981 г.) (в статьях этих указана основная литература вопроса) и др. Особое внимание этому уделялось в докладах автора «Систематизация исторических источников» на Северокавказской конференции по проблеме «Источниковедение и вспомогательные исторические дисциплины (изучение и преподавание)» в сентябре 1975 г. (в Геленджике) и «Источниковедение в кругу других научных дисциплин и вопросы классификации источников. (Постановка вопроса)» на IV Всесоюзной конференции по проблемам источниковедения и специальных исторических дисциплин в 1983 г. (в Днепропетровске).²⁹

Предлагаемые модели классификаций рассматриваются автором как определения возможных основ для всеохватывающих («генеральных») естественных классификаций исторических источников, а не содержащихся в источниках (разных типов, видов и разновидностей) данных исторической информации.³⁰

²⁸ В докладе «Типологическая классификация исторических источников» на общем собрании Археографической комиссии АН СССР 13 апреля (Археограф. ежегодник за 1966 год. М., 1968, с. 438) и в лекции «Понятие об историческом источнике» в Центральном лектории Всесоюзного общества «Знание» в Политехническом музее 13 мая.

²⁹ Автор глубоко признателен всем участвовавшим в обсуждении докладов за критические замечания. Опубликованный текст тезисов доклада на конференции 1983 г. (см.: Актуальные проблемы источниковедения и специальных исторических дисциплин..., с. 13—23) использован в настоящей работе, где основные положения излагаются в краткой, по существу тезисной форме.

³⁰ Такие данные систематизируются и обобщаются обычно в трудах об исторических источниках определенного времени или определенной тематики. Можно назвать в этой связи книги А. Д. Люблинской — «Источниковедение истории средних веков» (Л., 1955), Л. Г. Бескровного — «Очерки по источниковедению военной истории России» (М., 1957), И. Ф. Петровской — «Источниковедение истории русского дореволюционного драматического театра» (Л., 1971), где использованы данные не только

В выделении классов исторических источников и в определении их наименований автор прежде всего опирается на опыт (опыт достижений и ошибок!) предшественников в отечественной и зарубежной литературе, охарактеризованной — и иногда очень детально — в трудах Л. Н. Пушкарева, О. М. Медушевской, Л. С. Клейна и других исследователей.³¹ Эта работа может рассматриваться и как своеобразный медосбор накопленных историков-источниковедов выводов и наблюдений.

В работе не ставится задача кодификации (т. е. описания терминологических норм) и тем более нормализации терминологии, предусматривающей активное вмешательство в терминологический процесс и процедуры терминообразования. Автор стремится лишь к облегчению профессионального общения, причем не только историков-исследователей, но и специалистов в смежных и других областях науки, а также и всех тех, кто все в большей мере становится причастен к познанию прошлого и путей его изучения.

* * *

Основную гносеологическую и культурную нагрузку в обществе несет естественный язык человека, т. е. слово, являющееся непосредственным материальным воплощением мышления. С распространением грамотности наибольшим информационным потенциалом стали обладать письменные исторические источники.³² На их долю падает основная часть фиксированной социальной информации. С недавнего времени, помимо фиксирования словесной («речевой») информации посредством письма, она фиксируется все в большей мере и посредством звукозаписи.

Существенно и то, что словесные источники более доступны восприятию и самого историка, и тех, на кого рассчитаны его печатные труды и устные выступления. Привычное восприятие исторической информации именно через словесные (и прежде всего письменные) источники подчас даже препятствует возмож-

письменных источников, но и изобразительных, и фонозаписей, и др. Книга В. Л. Янина «Очерки комплексного источниковедения. (Средневековый Новгород)» (М., 1977) составляет, как указывает сам автор, основу специального лекционного курса «Источниковедение Новгорода», который читается в Московском гос. университете. Монографически изучаются и источники определенных видов и разновидностей, напр., в книгах С. М. Каштанова «Очерки русской дипломатики» (М., 1970) и Б. Г. Литвака «Очерки источниковедения массовой документации XIX—начала XX в. (М., 1979) и др., а также история их исследования и издания (статьи С. Н. Валка об «изданиях и изучениях» Русской Правды и др.).

³¹ О. М. Медушевская верно заметила: «Одну из характерных черт современного источниковедения составляет его историографическая направленность» (Медушевская О. М. Теоретические проблемы источниковедения. М., 1977, с. 45).

³² М. П. Тихомиров писал: «... письменные источники являются наиболее важными для историков; они — фундамент исторических исследований. Там, где письменные источники отсутствуют, историк бродит в потемках, и на страницах исторических изданий появляются пробелы, слабо восполняемые изучением других видов исторических источников» (Тихомиров М. Н. Источниковедение истории СССР, с. 8).

ности восприятия такой информации в других типах исторических источников.³³ Мы эту историческую информацию воспринимаем, обычно перекодировав в слове. Прямое восприятие глубинных ее слоев — удел специалистов (археологов, этнографов, социологов и др.). Скрытая (в той или иной степени) собственно историческая информация становится широко воспринимаемой через слово.

В то же время нельзя не учитывать и то обстоятельство, что письменные источники дошли до нас только от последних тысячелетий истории человеческого общества и что еще менее века назад подавляющее большинство населения нашей страны оставалось неграмотным; и письменные источники, возникшие в среде трудового народа, не так уж часты.³⁴

Все это делает допустимым вариант классификации всех исторических источников на два класса: источники непосредственно словесные³⁵ и все другие, которые передают информацию иными средствами. Но и они обычно становятся познаваемыми собственно как источники исторической информации только через слово.

* * *

Спорным остается вопрос о круге потенциальных исторических источников. Нередко историческими источниками признают только те, которые «непосредственно» отражают исторический процесс, т. е. лишь результаты (продукты) человеческой деятельности, памятники материальной и духовной культуры. Соответственно этими памятниками и ограничиваются при классификации исторических источников.

Согласно другому взгляду, историческими источниками признается не только то, что отражает исторический процесс, но и то, что помогает познать ход исторического процесса во всем его многообразии, т. е. и то, что существовало и существует независимо от целенаправленной деятельности человека, но в определенной мере обуславливает развитие общественной жизни, а следовательно, и способствует объяснению особенностей ее в прошлом и настоящем. Это — окружающая человека естественно-географическая среда (а также и космографическая среда — достаточно напомнить о наблюдениях А. Л. Чижевского³⁶ о влиянии ак-

³³ Вспоминаются слова И. А. Бунина из стихотворения «Речь»: «Молчат гробницы, мумии и кости, // Лишь слову жизнь дана; // Из древней тьмы, на мировом погосте, // Звучат лишь Письмена...» (Б у н и н И. Стихотворения. 2-е изд. Л., 1956, с. 203).

³⁴ Близкую мысль и вопрос историку сформулировал недавно и Чингиз Айтматов: «Иные грамотей историей признают только то, что написано на бумаге. А если в те времена книги еще не писались, тогда как быть?» (А й т м а т о в Ч. И дольше века длится день. — Новый мир, 1980, № 11, с. 26).

³⁵ Подразделение источников исторического происхождения на письменные и неписьменные уже обосновывалось в литературе (Е. Топольским и другими учеными); см.: Дьяков В. А. Методология истории..., с. 128.

³⁶ См. об этом и в кн.: L'Histoire et ses méthodes. Paris, 1961, p. 64—67.

тивности солнца на жизнь нашей планеты) и физико-биописические свойства самого человека.³⁷

Только обращаясь к таким данным, можно выяснить с должной полнотой воздействие природы на общество и общества на природу (антропогенные и техногенные факторы), изменения (во времени и в пространстве) характера и степени интенсивности взаимодействия общества и природы. Это важно учитывать не только при изучении социально-экономической истории, народного быта, культурных традиций, но даже и государственно-политической истории. К. Маркс и Ф. Энгельс подчеркивали, что история природы и история людей «неразрывно связаны; до тех пор пока существуют люди, история природы и история людей взаимно обуславливают друг друга».³⁸ Такую закономерность не следует недооценивать и при подходе к вопросу об определении круга исторических источников и их классификации.

В новейшем обобщающего характера труде о первобытном обществе (в разделе «Понятие и классификация источников») А. И. Першиц указывает на спорность вопроса «о том, что входит в круг исторических источников. Только ли результаты человеческой деятельности или же также и непретворенная ею природная среда? Только ли собственно исторические свидетельства или же также и свидетельства естественных наук?». Отмечая, что обе точки зрения представлены в теоретическом источниковедении, он констатирует, что «пожалуй, преобладающая в настоящее время тенденция состоит в том, что вторая из них постепенно вытесняет первую. И для этого есть серьезные основания, ... наблюдается знаменательный процесс сближения общественных и естественных наук, происходит и постепенный отход от узкого понимания исторического источника».³⁹

В главе этой книги «Источниковедение первобытной истории» круг исторических источников расширен путем включения в их ряд «антропологических источников» (характеризующих одновременно и природную, и социальную сущности человека) и «естественно-научных» (палеонтологических, палеогеографических и др.) и отмечено, что «в последние годы происходит обогащение исторической науки естественнонаучными данными и методами».⁴⁰

Явления из области естественных наук при занятиях историей все в большей мере становятся из внеисторических историческими и при изучении и тех периодов истории, которые нашли отраже-

³⁷ Подробнее см.: Шмидт С. О. 1) Проблема взаимодействия общества и природы и некоторые вопросы источниковедения. — В кн.: Общество и природа. М., 1981, с. 262—275; 2) Общество и природа: вопросы изучения исторических источников. — Обществ. науки, 1983, № 4. На англ., исп., нем., порт., фр. яз.

³⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология. — Соч. 2-е изд., т. 3, с. 16.

³⁹ История первобытного общества. Общие вопросы. Проблемы антропосоциогенеза. М., 1983, с. 33—34.

⁴⁰ Там же, с. 35, 78, 69—82.

ние в вещественных и даже письменных памятниках.⁴¹ Перед учеными гуманитарного профиля возникают задачи извлечения «исторической» информации из данных естественных наук⁴² о естественно-географической среде, физико-биопсихических свойствах человека и исследования подобной проблематики на базе традиционных источников исторического происхождения (а также и сравнительного изучения и использования всех этих видов информации).

Природное окружение человека можно расчленить на две части: та, которая влияла или влияет на общество, но сама не подвергается его воздействию (основные физико-географические черты местности, климат и т. д.), и та, которая этого воздействия не избежала.⁴³ Чем ближе к нашему времени, тем менее остается областей природной среды, не затронутых (а, следовательно, и не измененных в той или иной степени) человеком.

Признание природных явлений также источниками познания истории человеческого общества имеет существенное и общеметодологическое значение. Представление о том, будто главное свойство исторического источника — отражать реальную действительность, не включает (а по существу даже выключает) мысль об активном воздействии человека на природу.

Общеизвестны положения классиков марксизма-ленинизма о том, что «история — не что иное, как деятельность преследующего свои цели человека»,⁴⁴ что «сознание человека не только отражает объективный мир, но и творит его».⁴⁵ Рассматривая эти положения и даже приводя эти же или близкие по мысли цитаты

⁴¹ См.: Шевеленко А. Я. 1) Природный фактор и европейское общество V—X веков. — Вopr. истории, 1969, № 10, с. 87—105; 2) Производственно-трудовой опыт народных масс Европы VI—X веков. — Там же, 1975, № 8, с. 78—101; Дулов А. В. Географическая среда и история России. Конец XV—середина XIX в. М., 1983. 255 с.; Борисенко Е. П. Климат и деятельность человека. М., 1982. 133 с. (Указана литература).

⁴² Следует учесть, однако, что для ученого в области естественных наук собственно историческая информация в изучаемых им объектах (явлениях), как правило, воспринимается (если она вообще оказывается замеченной) как избыточная, т. е. не относящаяся к содержанию его «запроса». Для историка же она обычно первоначально становится как бы сигнальной информацией, выполняющей функции предварительного оповещения и указывающей источник, откуда могут быть получены важные для него сведения. Изучение природных явлений историком — это научная, т. е. создаваемая в ходе научного процесса, информация. Но еще А. С. Лаппо-Данилевский правильно заметил, что историк, обращаясь к рассмотрению природных явлений, «пользуется выводами естествоведа для построения исторической действительности» (Лаппо-Данилевский А. С. Методология истории. СПб., 1913, вып. 2, с. 369). Лишь очень немногие историки способны овладеть научной методикой естественных наук; при обращении к естественно-географическим источникам историки обычно опираются на выводы и наблюдения, полученные специалистами в области соответствующих наук.

⁴³ История первобытного общества, с. 79.

⁴⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Святое семейство. — Соч. 2-е изд., т. 2, с. 102.

⁴⁵ Ленин В. И. Философские тетради. — Полн. собр. соч., т. 29, с. 194.

из сочинений классиков марксизма-ленинизма, ограничиваются, однако, подчас рассмотрением только внутриобщественных отношений, т. е. взаимоотношений человека (или группы людей) и общества в целом. Между тем К. Маркс и Ф. Энгельс не раз писали об историческом значении взаимодействия людей и природы. «Труд есть прежде всего процесс, совершающийся между человеком и природой», — читаем в «Капитале» Маркса.⁴⁶ «Человеку удалось наложить свою печать на природу», — отмечал Ф. Энгельс в «Диалектике природы», а слова *«изменение природы человеком»* он счел нужным особо выделить.⁴⁷

В век пристального внимания к экологии, в том числе к исторической экологии, казавшиеся традиционными определения исторического источника и системы их классов не соответствуют современным представлениям о месте человека в системе мироздания, о роли природы в социальной жизни человека, о взаимодействии общества и природы.⁴⁸

Все это предопределяет расширение традиционной источниковой базы исторических исследований. На практике она уже фактически расширена, особенно на, так сказать, менее высоких уровнях изучения прошлого — в области школьного обучения, в краеведении, в музейной деятельности. В краеведческих музеях разделы истории и природы чаще всего находятся под одной крышей и взаимовлияние общества и естественно-географической среды кажется особенно очевидным (и, соответственно, представление об этом закрепляется в сознании школьной молодежи).

Есть основания говорить о естественно-географических источниках исторического происхождения, которые являются результатом деятельности людей. Их условно можно подразделить на два основных класса: историко-географические и историко-биологические. (Допустимы и названия: «геосоциальные» и «биосоциальные»). Это искусственно созданные водоемы, лесонасаждения, культивированные городские и сельские ландшафты и др. К. Маркс отмечал, что прирученные животные — это «измененные посредством труда, выращенные человеком животные», «се-

⁴⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 23, с. 188.

⁴⁷ Там же, т. 20, с. 357, 545. Отмечая, что «разум человека развивался соответственно тому, как человек научался изменять природу», Ф. Энгельс противостоял «той точке зрения, что только природа действует на человека и что только природные условия определяют повсюду его историческое развитие». Это «натуралистическое понимание истории», по мнению Энгельса, «страдает односторонностью и забывает, что и человек воздействует обратно на природу, изменяет ее, создает себе новые условия существования. От „природы“ Германии, какой она была в эпоху переселения в нее германцев, осталось чертовски мало. Поверхность земли, климат, растительность, животный мир, даже сами люди бесконечно изменились, и все это благодаря человеческой деятельности...» (там же, с. 545—546).

⁴⁸ См.: Общество и природа. Исторические этапы и формы взаимодействия. М., 1981. 344 с.; Соломина С. Н. Взаимодействие общества и природы. (Философские проблемы). М., 1983. 252 с. (Указана литература).

мена в земледелии» — тоже «продукт труда».⁴⁹ Известно и о многообразных изменениях, внесенных невольно, от незнания, в природу, прежде всего в результате хозяйственной деятельности, о превращении людьми в болота и пустыни ранее обжитых земель, истреблении человеком некоторых пород животных и растений, истощении запасов полезных ископаемых, загрязнении воды, почвы, воздуха и т. д. Ведь это — тоже явления, «непосредственно отражающие исторический процесс».⁵⁰

Следует, однако, иметь в виду, что в результате фундаментальных изменений, внесенных человеком в природу, обнаруживаются следствия, характерные для подобных же природных образований естественного происхождения (например, в результате появления искусственного моря меняются климат, уровень подземных вод, растительность, фауна и т. д.). По своим «естественным» законам живут и развиваются перенесенные в другой географический регион или выведенные искусственно сорта растений и виды животных и т. п. Осуществил эти изменения в природе человек, но затем они уже существуют как бы независимо от человека и оказывают влияние на человеческую деятельность по законам, свойственным характеру взаимоотношений таких природных явлений и людей.

Таким образом, можно классифицировать все массивы источников исторической информации на два класса: а) исторические источники, являющиеся результатом целенаправленной общественной деятельности людей; б) источники, существующие независимо от этой деятельности (или источники социального и не социального происхождения).

Источники исторического происхождения — это основные источники познания прошлого человека и его современного состояния. Именно их обычно и называют историческими источниками. И именно для выявления, изучения и использования таких источников выработаны особые приемы специалистами в области общественных наук, источниковедческая методика.

* * *

Источники исторического происхождения допустимо называть историческими памятниками или просто «памятниками», так как они запечатлели память о людях, являются следами их деятельности.

⁴⁹ Маркс К. Капитал. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 23, с. 190, 192.

⁵⁰ С таким мнением теперь соглашаются и те, кто ранее придерживался иных взглядов. Если Л. Н. Пушкарев в статье 1966 г. утверждал, что географическая среда не является историческим источником, то в книге 1975 г. он признает: «Труды русских и зарубежных исследователей, вышедшие за последние годы, убедительно доказали, что для подобной категоричности суждения нет достаточного основания», и далее пишет: «Само собой разумеется, что все изменения, совершенные человеком в географической среде, являются самым настоящим историческим источником, ибо они созданы людьми, обществом» (Пушкарев Л. П. Классификация русских письменных источников..., с. 86).

В таком именно смысле термин «памятник» прочно вошел в словоупотребление, в музейную практику, нашел отражение в законодательстве.⁵¹ Так понимал это и М. Н. Тихомиров.⁵²

Классификации источников исторического происхождения, т. е. памятников материальной и духовной культуры, посвящена значительная литература. Наиболее известны варианты вспомогательных классификаций, т. е. таких, которые создаются с целью наиболее легкого обнаружения того или иного объекта среди классифицируемых объектов.

В последние годы распространение получили классификации по типам и видам.⁵³ Деление по типам как наиболее крупным классам исторических источников стало общепринятым с 1960-х годов при классификации всей совокупности их.⁵⁴ Рассматривая эту совокупность исторических источников как систему и обосновывая именно типологическую классификацию, я исходил и из представления о типологии как методе научного познания, в основе которого лежит расчленение системы объектов и их группировка с помощью обобщенной модели или типа. Проблемы типологии возникают в науке обычно тогда, когда имеют дело с крайне разнородными по составу множествами объектов и решают задачу их упорядоченного описания, сопоставления и объяснения таких множеств. Опирается типология на выявление сходства и различия изучаемых объектов, на поиск надежных способов их идентификации.⁵⁵

В классификации исторических источников, которых придерживаются Л. Н. Пушкарев, А. П. Пронштейн⁵⁶ и некоторые другие ученые, тип объединяет источники, отличающиеся друг от

⁵¹ Под «памятником» можно подразумевать и ценностную категорию, т. е. то, что важно для сохранения памяти — «памятники истории и культуры». «Документальными памятниками» в этом плане можно признать все документы, достойные сохранения, в частности в государственных хранилищах — архивах, музеях, библиотеках, или уже хранящиеся там, а не только «особо ценные документы», как полагают некоторые архивисты (см.: Словарь современной архивной терминологии социалистических стран, с. 61).

⁵² Параграф «Понятие об историческом источнике» его учебного пособия по источниковедению истории СССР начинается словами: «Под историческим источником понимают *всякий памятник прошлого, свидетельствующий об истории человеческого общества*» (курсив мой, — С. III.) (см.: Тихомиров М. Н. Источниковедение истории СССР, с. 6).

⁵³ Видом теперь называют обычно такую группу памятников, которая имеет устойчивую общность признаков их структуры, предопределяемую обычно назначением памятника и его функционированием. Об употреблении термина «вид» в источниковедении см.: Макаров М. К. К вопросу о терминологии в источниковедении истории СССР. — Тр. МГИАИ. М., 1964, т. 17, с. 8 и сл. См. также: Курносоев А. А. К вопросу о природе видов источников. — В кн.: Источниковедение отечественной истории. 1976. М., 1977, с. 5—25; Источниковедение истории СССР, с. 12; Словарь современной архивной терминологии социалистических стран, с. 32.

⁵⁴ Об этом см.: Дьяков В. А. Методология истории..., с. 131.

⁵⁵ Философский энциклопедический словарь. М., 1983, с. 685.

⁵⁶ Пронштейн А. П. Методика исторического источниковедения. Ростов н/Д., 1976, с. 32—33.

друга самим принципом хранения и кодирования информации.⁵⁷ Там выделяются семь типов исторических источников: письменные, вещественные, этнографические, лингвистические, устные, фотокинодокументы, фонодокументы. Еще недавно писали о шести типах (или группах), объединяя в одну группу кинофонофотоматериалы.⁵⁸

Происхождение этой классификации связано с оформлением представления о предмете отдельных наук и их методике. «Типами» исторических источников оказались названы те классы, которые ранее назывались «видами» (например, в учебнике М. Н. Тихомирова). «Эта систематика в большинстве своих звеньев восходит уже к работам конца прошлого века, — отмечает А. И. Першиц, — а в настоящее время осмысливается с точки зрения теории информации. Однако она, как и связанная с ней терминология, не бесспорна».⁵⁹

В классификации этой нетрудно обнаружить логическую нечеткость — основание деления в предложенной схеме не выдерживается: смешиваются понятия «тип источников» и «материалы», используемые в научной работе лингвистами, этнографами и другими учеными-специалистами. Однако номинации типов источников не отражают уже современную источниковую базу этих наук: лингвисты используют в своей работе отнюдь не только современную разговорную речь, но и письменные источники (так создаются различные словари, труды о языке классиков литературы и классиков марксизма-ленинизма и т. д.), памятники фольклора, теперь все чаще — и фономатериалы; этнографы опираются, особенно при изучении явлений прошлого, главным образом на вещественные источники и т. д. Механически были объединены первоначально в связи с новыми изобретениями кино- и фотоматериалы с фономатериалами,⁶⁰ и в то же время фотодокументы оказались оторванными от других изобразительных источников, которым вовсе не нашлось места в классифика-

⁵⁷ Пушкарёв Л. Н. Классификация русских письменных источников... с. 191; см. также: Источниковедение истории СССР / Под ред. И. Д. Ковальченко. 2-е изд. М., 1981, с. 12.

⁵⁸ БСЭ, т. 10, с. 579; СИЭ. М., 1965, т. 6, с. 592; Николаева А. Т. Теория и методика советского источниковедения. М., 1975, с. 9.

⁵⁹ См.: История первобытного общества, с. 34.

⁶⁰ А. Т. Николаева, употребляя термин «кинофонофотоисточники», неправомерно ссылается на учебник М. Н. Тихомирова (Николаева А. Т. Теория и методика..., с. 9). М. Н. Тихомиров, являвшийся не только выдающимся исследователем, но и методистом в области преподавания в средней и высшей школе, не мог объединить в один «вид» трудносоединимое. Он, называя традиционные пять основных видов исторических источников (вещественные, этнографические, лингвистические, устные, письменные), добавлял, что «развитие техники привело к появлению новых видов источников, какими являются фотографии, кинофильмы, звуковые записи и т. д., появившиеся уже в новейшее время» (Тихомиров М. Н. Источниковедение истории СССР, с. 8), т. е. в учебном пособии М. Н. Тихомирова написано не об одном новом виде, а о нескольких видах исторических источников.

ции.⁶¹ Поэтому эта классификация не удовлетворила и работников музеев, связанных с памятниками музейных фондов.⁶² И. Д. Ковальченко в статье 1982 г. писал, что это «широко распространенное до последнего времени в советском источниковедении деление всей совокупности исторических источников... представляется непоследовательным в силу неоднозначности принципов и критериев их выделения (одни группы выделены по форме отражения действительности, другие — по способу фиксирования информации, третьи — по объекту отражения)».⁶³

И. Д. Ковальченко, опираясь на достижения учения об информации, предложил выделить иной «первый, наиболее общий уровень классификации исторических источников». «По методам и формам отражения действительности вся совокупность исторических источников четко делится, — пишет он, — на четыре группы, или категории: вещественные, письменные, изобразительные (изобразительно-графические, изобразительно-художественные и изобразительно-натуральные) и фонические».⁶⁴ Такое же деление «с точки зрения форм фиксирования социальной информации» указано во Введении ко второму изданию учебника «Источниковедение истории СССР» под редакцией И. Д. Ковальченко, вышедшему в 1981 г., где выделены «следующие типы источников: вещественные, художественно-изобразительные, письменные и фотодокументы».⁶⁵

Эта классификация представляется значительно более обоснованной и логически выдержанной, чем ранее распространенная. Достоинство ее как классификации, используемой в учебном процессе, — концентрация внимания на тех классах источников, которые особенно интенсивно изучаются и в высшей и в средней школе, и она во многом сопряжена с другими предметами учебных программ. Большинство исследователей также обращаются в своей работе именно к этим классам исторических источников. Классификация оказывается удобной для музейной работы.

Однако и эта классификация, во-первых, все-таки не охватывает всю совокупность вошедших в научный обиход классов исторических источников (и даже таких распространенных, как те, которые прежде именовались «этнографическими»). Во-вторых, классификация эта отъединяет друг от друга классы источников, фиксирующие одни и те же явления социальной информации, например один и тот же текст, написанный пером (или напечатанный) и запечатленный в звукозаписи, и, напротив, объединяет в один «тип» источника разные явления социальной (и собственно «культурной») информации: фономатериалы с речью людей и музыкальные записи.

⁶¹ Шмидт С. О. Современные проблемы источниковедения, с. 35—36.

⁶² Историческое краеведение / Под ред. Н. П. Милонова. М., 1969, с. 229.

⁶³ Ковальченко И. Д. Исторические источники..., с. 143.

⁶⁴ Там же, с. 143.

⁶⁵ Источниковедение истории СССР, с. 12.

Поэтому полагаю возможным возвратиться к рассмотрению вопроса о типологической классификации всех источников исторического происхождения и предложить вариант такой классификации. Это — существенно измененная схема классификации, первоосновой которой был вариант 1960-х годов.

К определению понятия «исторический источник» подходят, не всегда учитывая общеизвестное различие таких категорий, как явление и сущность. Явление — это внешние свойства и признаки предмета (объекта), доступные первичному восприятию. Сущность же чаще всего первоначально скрыта от нашего наблюдения. Путь познания — это путь от анализа явления к анализу сущности.

В основе этой типологической классификации внешний (более доступный первоначально) признак исторических источников: внешняя «материальная» форма источника,⁶⁶ определяющая соответственно и способ отражения источником действительности (и прошлого, и современности), и способ получения информации о ней, а также характер «чувственного восприятия» ее, причем восприятия внешнего, более доступного слоя информации. При этом классификация соотнобразуется и с некоторыми представлениями общего характера о знаковых системах, включающих такие элементы, как вещь, изображение, слово, жест, звук.

Основное внимание в этой элементарной классификации уделяется пока определению существенно общих формальных свойств исторических источников и в то же время отличающих их друг от друга и тем самым обеспечивающих им известную автономность в системе.

Классы в классификациях, как известно, могут быть «простыми» и «сложными». В данной классификации названы «простые классы», имеющие один общий признак.⁶⁷ Внутри классов иногда выделены подклассы («подтипы»), прежде всего такие, которые стали привычными по другим классификациям. Понятно, что подобное деление можно было бы и продолжить, указав возможности и более дробного деления, но это уже самостоятельная задача.

При выборе наименования классов и подклассов этой класси-

⁶⁶ И. И. Полосин, разработавший очень интересный курс методики преподавания истории, в проспекте лекционного курса «Источниковедение и историография» (1941), отмечая возможность классификации исторических источников по многим признакам, полагал, что в «общем теоретическом курсе исторического источниковедения исторические источники следует классифицировать по признакам формальным. Этим достигается: 1) максимально быстрая обзорность источников; 2) возможность постановки и решения сравнительно-исторических задач» (Шмидт С. О. Материалы по методике источниковедения в архиве И. И. Полосина. — Археограф. ежегодник за 1967 г. М., 1969, с. 322).

⁶⁷ Вычлечения из сложного один элемент, есть риск чрезмерно упростить ситуацию. Но, как заметил А. Эйнштейн, «если не грешить против разума, то вообще невозможно прийти к чему-либо» (цит. по кн.: Фейцберг Е. Л. Кибернетика, логика, искусство, М., 1981, с. 37).

фикации учитывалась степень внедренности термина и главное — его ориентированность, так как неориентирующие термины недостаточно информативны.⁶⁸

Примерная схема типологической классификации источников исторического происхождения, деления всего их комплекса на большие классы — типы и подтипы — такова.

1. Вещественные источники во всем их многообразии (от памятников археологии до современных машин и предметов бытового обихода).⁶⁹

2. Изобразительные источники.⁷⁰

а. Художественно-изобразительные (произведения изобразительного искусства, искусства кино и фотографии).

б. Изобразительно-графические.⁷¹

в. Изобразительно-натуральные (прежде всего фотографии, кинокадры).

3. Словесные источники.

а. Разговорная речь.

б. Памятники устного творчества (фольклор).

в. Письменные памятники (включая эпиграфические) во всем многообразии содержания и формы — видов и разновидностей.

К этому типу относятся и все фонодокументы, в той или иной мере фиксирующие «речь» человека.

4. Конвенциональные⁷² источники во всем их многообразии.

Все системы условных обозначений графическими знаками (ноты, знаки математической, химической и другой символики и

⁶⁸ «Наименование информативно, поскольку оно отражает один из признаков обозначаемого предмета и сообщает о нем», — отмечается в труде по типологии лингвистических номинаций (Так В. Г. К типологии лингвистических номинаций. — В кн.: Языковая номинация. М., 1977, с. 238).

⁶⁹ К этому классу источников допустимо отнести не только чучела животных, птиц, гербарии, но в данной (и только данной) схеме классификации (по «чувственному восприятию» информации источника, точнее даже — его «материальной формы») — и самих животных, птиц, растений, т. е. многие естественно-географические источники исторического (искусственного) происхождения.

⁷⁰ Все изобразительные источники являются одновременно вещественными и могли бы рассматриваться как их подкласс. Но выделение особого типа изобразительных источников — не просто дань привычной практике музейной классификации, а объясняется тем, что они — в отличие от большинства вещественных источников — несут, как правило, дополнительную культурно-историческую информацию, «изображая» иное явление. И именно эта информация воспринимается как основная, а их «вещественность» — как дополнительная.

⁷¹ К ним относятся прежде всего памятники, содержащие графическую информацию, т. е. информацию, выражаемую при помощи наглядных графических образов, не составляющих алфавита.

⁷² Термин «конвенциональный» (лат. *conventionalis* от *conventio* — договор, условие) — означает «условный» и в то же время «принятый», «соответствующий установившимся традициям» (Словарь иностранных слов, с. 249).

др.) и изобразительно-схематическими (электрокардиограмма, осциллограмма и др.).

К ним, по-видимому, должны быть отнесены документы информации на разного типа искусственных машинных языках, т. е. информация, запечатленная на машинных носителях, а не на традиционной документной основе.⁷³ Точное содержание этих источников для всех, кроме специально подготовленных лиц, может быть раскрыто путем использования другого типа источников, прежде всего словесных.

Многие из этих источников могут рассматриваться и как письменные (т. е. подтип словесных) или изобразительно-графические (т. е. подтип графических).

5. Поведенческие источники.

Визуально наблюдаемые (или воспроизводимые) обычаи и обряды (ритуалы) — коллективные и индивидуальные действия (трудовые, семейно-бытовые, праздничные, спортивные и др.).⁷⁴

Некоторые из них прежде всего мимические по форме; другие сопровождаются словами, музыкой (являясь своеобразными комплексными источниками).

6. Звуковые, или аудиальные источники.

Это — звуки в широком и узкомузыкальном смысле, ибо музыковеды пишут особо о «звуках», «звонах», «шумах».⁷⁵ К ним относятся и записи голосов птиц, животных.

На первый взгляд существенным группам исторических источников не находится места в этой классификации, так как они относятся к пограничным, смешанным или комплексным классам исторических источников. Однако и такие многомерные источники тоже оказываются в одном из названных ранее классов, но только при учете лишь одной из их форм. Например, монеты — вещественные источники с изображениями и надписями (они могут рассматриваться и как разновидности нескольких типов источников — вещественных, изобразительных, словесных); картографические материалы и плакаты, являющиеся одновременно письменными и изобразительными источниками; песни — одновременно и словесные, и звуковые источники. Некоторые вещественные источники являются прежде всего знаками престижа и могут воспри-

⁷³ И. Д. Ковальченко справедливо заметил, что «источники последнего рода (а объем их уже достаточно велик) пока еще не стали, к сожалению, объектом постоянного внимания источниковедов» (Ковальченко И. Д. Исторический источник..., с. 144).

⁷⁴ Обычаи-действия зачастую отражают пережитки прошлого быта и изучаются этнографами. Однако достаточно широко распространенный термин «этнографические источники» трудно признать удачным, так как собственно этнографическими материалами, используемыми этнографами в своей работе, даже в полевой практике, являются и иные типы и подтипы исторических источников, и прежде всего вещественные (см.: Помікні етнографії / Под ред. В. К. Бандарчыка. Мінск, 1981).

⁷⁵ См.: Курс теории музыки / Под ред. А. Л. Островского. Л., 1978, с. 10—11.

ниматься и как поведенческие источники. Памятники садово-паркового-искусства,⁷⁶ заводы и фабрики, поселения — сложнейшие комплексные источники (в источниковедческой литературе ГДР употребляется даже термин «*siedlungskundliche Quellen*»).⁷⁷ Кинофильмы — источники поведенческие и изобразительные одновременно, а часто еще и словесные и звуковые (музыка, различные шумы). Теперь в употреблении термин «аудиовизуальный документ», т. е. документ, содержащий сочетание изобразительной и звуковой информации;⁷⁸ говорят об аудиовизуальных формах культуры.

Кинофильмы было бы вообще допустимо выделить в особый тип исторических источников, и не только потому, что это широко распространенный ныне класс источников, содержащих разнообразную социальную (историческую) информацию, но и потому, что это источники, показывающие (и соответственно позволяющие изучать) явления в движении.

Условность предлагаемой классификации (как, впрочем, и всякой классификации) очевидна. При обозначении объекта соответствующего класса отмечается лишь существенный в данном случае признак сходства и признается несущественным — опять-таки лишь в данном случае — характер их различий. Все письменные источники, например, могут ведь одновременно рассматриваться как вещественные и классифицироваться по признаку материала, на котором дошли записи, по признаку материала или орудия, которым сделаны записи, и т. д. Условно и разделение даже письменных и иных подтипов словесных источников: публичное выступление общественного деятеля может восприниматься в наши дни и как письменный источник, напечатанный в газете, и как разговорная речь, непосредственно услышанная или воспринятая в передаче радиодиктором, и даже как изобразительный и поведенческий источник, если с ней знакомимся по телепередаче, и т. д.

И эту условность всяких дефиниций и систематизаций необходимо всегда не упускать из виду и четко договариваться о смысле употребляемых (в конкретных ситуациях) определений.

Предлагаемый вариант первичной типологической классификации исторических источников, точнее сказать, источников исторического происхождения имеет гипотетический характер, нуждается в проверке на долговременность и в уточнениях.

Подобная прикладная классификация исторических источников по формальным (внешним) признакам их рассчитана в первую очередь на учебные цели, музееведческую и краеведческую

⁷⁶ См.: Лихачев Д. С. Поэзия садов: К семантике садово-парковых стилей. Л., 1982. 343 с.

⁷⁷ Einführung in die Heimatgeschichte / Hsgeb. von H. Mohr und E. Hühns. Berlin, 1959, S. 210—217.

⁷⁸ Словарь современной архивной терминологии социалистических стран, с. 27.

деятельность, на «источниковедческую практику».⁷⁹ Она предназначена не для углубленного изучения исторических источников как носителей социальной информации, а для выявления, учета и первичного разделения памятников на классы и может в лучшем случае рассматриваться как одна из предпосылок для обоснования «сущностной» и многоаспектных⁸⁰ классификаций исторических источников.

Хотелось бы надеяться, что предлагаемые в данной статье модели классификаций исторических источников помогут дальнейшей работе источниковедческой мысли в этих направлениях.

Л. Е. ШЕПЕЛЕВ

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКОГО И ИСТОРИКО-ВСПОМОГАТЕЛЬНОГО ИЗУЧЕНИЯ ДЕЛОПРОИЗВОДСТВЕННЫХ ДОКУМЕНТОВ XIX—НАЧАЛА XX в.*

Как мы уже отмечали, под делопроизводством имеется в виду официально установленная система подготовки документов (номенклатура и форма), их движения (рассмотрение и утверждение) и организации их хранения относительно друг друга. Вместе с тем именно делопроизводство обеспечивает передачу информации о деятельности государственных учреждений (т. е. об управлении) из прошлого в настоящее. И изучение делопроизводства позволяет выяснить, как оно справлялось с этим. Знание системы делопроизводства необходимо для исследователя, обращающегося к делопроизводственным документам, поскольку облегчает нахождение источника среди массы других и способствует правильной его интерпретации. С полным правом можно утверждать, что знание делопроизводства определяет источниковедческую культуру исторического исследования.

⁷⁹ См. об этом: Варшавчик М. А. О некоторых вопросах источниковедения истории КПСС. — *Вопр. истории КПСС*, 1962, № 4, с. 168.

⁸⁰ Интересно было бы рассмотреть проблемы классификации исторических источников в плане концепции «социальной памяти»; см. об этом: Уйбо А. С. Информационный подход к типологии исторических источников. — В кн.: *Философские проблемы исторической науки: Труды по философии*. Тарту, 1982, с. 31—67. (Учен. зап. Тартуск. гос. ун-та; Вып. 599) или современных представлений о теории коммуникаций (в частности, о каналах передачи культурных сообщений), в которой используется и терминология, принятая при изучении словесных источников. А. Мольт писал: «Эти понятия, возникшие первоначально применительно к сообщениям письменной речи, на самом деле обладают гораздо большей общностью и приложимы ко всем вообще способам физической передачи сообщений» (Мольт А. *Социодинамика культуры*. М., 1973, с. 126—127).

* Продолжение. Начало статьи см.: *Вспом. ист. дисциплины*. Л., 1983, т. XV, с. 31—61.